

● ● ●
Моросило вовсю, моросило,
Непонятно—дождём или снегом.
Мы его положили в могилу,
Не глубокую для человека.

Написали фамилию, имя
На бумажке, заляпанной глиной,
И в флаконе от пенициллина
Положили записку в ботинок.

Он лежал, а за ним как-то дрябло,
Словно жизнь или смерть их продула,
Две шеренги израненных яблонь
Стыли, словно бойцы караула.

Он лежал даже несколько браво,
Руки, ноги— всё чётко и прямо,
Краем губ улыбаясь лукаво
Из своей не докопанной ямы.

А над ним, как из лейки над грядкой,
Моросило да всё моросило,
И, как зубья, пилила загадка:
Что же это его рассмешило?

Мысль крутилась быстрее лопаты:
Что же, что? Получалась заминка.
Неприличная скорость обряда
Или эта записка в ботинке?

И с того становилось неловко,
Что действительно очень спешили.
Мы прикрыли улыбку циновкой,
А циновку землёю прикрыли.

Так бывает, что будни реала,
Умножая количество битых,
Упрощают процесс ритуала,
Сокращая размеры молитвы.

Но зато отливало сияньем:
То ли нимб, то ли факел тротила
Поднимался над крышами зданий
И, тоскуя, кружил над могилой.

Шли обратно по слякоти склизкой,
Я скользил и сбивался с тропинки,
Словно этот флакончик с запиской
Тянет ногу и ноет в ботинке.

● ● ●
Открывается сердце навстречу тому,
Что зовётся любовью на нашем наречии.
Возвращается пламя, хоть тесно ему
В утомлённой и узкой груди человеческой.

Говорят, что года убивают мечту.
Но откуда тогда эта поздняя нежность?..
Буйным цветом пометив деревья в саду,
Уходящий апрель взволновал всю окрестность.

И, согласно природе, согласно всему,
Что ещё не остыло и теплится в теле,
Возвращается юность в цветах и дыму,
Возвращается песня вишнёвой метели.

● ● ●
В этом странном, летящем кино
Жизнь земная— как общая данность:
Для кого— золотое руно,
Для кого— грозовая туманность.

Надо жить, увеличив в разы
Жизнелюбия стойкое пламя.
В эти светлые дни уразы
Я хочу разговеться с врагами.

Я хочу их понять и простить,
Потому что я тоже не вечен,
Потому что на тонкую нить
К тем же пламенным звёздам подвешен.

● ● ●
Светаёт. Над сумрачной бездной,
Свернув золотые шатры,
Отряды небесных созвездий
Старательно гасят костры.

А я, занесённый под самый
Мерцающий купол небес,
Смотрю, как, играя тенями,
Внизу проявляется лес

И как потихоньку, не сразу,
В папахах из льда и сурьмы,
Могучие горы Кавказа,
Как нарты, выходят из тьмы.

● ● ●
Падал снег, и вьюжили снежинки
Над седыми сопками Карпинки,
Над Нефтянкой и над Ташкалой.
Заметая чёрные воронки,
Падал снег, стремительный и тонкий,
Словно вестник истины благой.

Падал снег, и было очень тихо,
Словно, отступив, уснуло лихо,
Словно вдруг за эти полчаса
Кончились у времени патроны,
Все его проклятия и стоны,
Все его гудки и голоса.

Падал снег, свободный и крылатый,
Весело царапая бушлаты
Павших и оставшихся лежать
Навсегда под этими снегами,
Белыми холодными руками
Цепко вгрызшись в ледяной асфальт.

Падал снег, и век прощался с веком
Навсегда, как будто с человеком
Близким и навеки дорогим.
И душа, свернувшаяся в льдинку,
Принимала каждую снежинку,
Окликая именем одним.

Падал снег и бился в перепонки,
Бел как саван или как пелёнки
В темноте космической трубы,
Где уже ни смерти, ни томленья,
Только это вечное круженье—
Белый танец снега и судьбы.

● ● ●
Я вздремнул на досках возле стенки
Старого подвала Ташкалы,
Подтянув озябшие коленки
Ближе к сердцу, чтобы не ушли.

А из щели рядом прямо в темя
Дуло чем-то злым и ледяным.
Но уже остановилось время,
Жалко скрипнув колесом кривым.

Я оттаял, отлетел, теплея,
За пределы самого себя,
Чтобы в душных сумерках Морфея
Отдохнуть от треска бытия.

Я лежал как будто в колыбели,
Первенец и баловень судьбы,
Непричастный к подлой канители
Цикла жизни—смерти и борьбы.

Я лежал, сопя, как дух в Эдеме,
Упиваясь мёртвой тишиной,
А из щели так же дуло в темя
Снежной пылью, ветром и войной.

● ● ●
В этой жизни, где каждый враждует с тобой,
Привыкай ко всему, что зовётся судьбой.

Помни: в мире хулы и тотальной войны
Даже близкий кусает тебя со спины.

Сын Адама в нужде не покажет кулак,
А окрепнет—опаснее своры собак.

Берегись, ибо время летит, как стрела,
Меркнет свет, и повсюду сгущается мгла.

На дворе суматоха, и дьявольский рог
Кличет паству к обочинам пыльных дорог.

Страх, берущий за горло сильнее чумы,
Поражает сердца и калечит умы.

Ты не джинн и не ангел, и сущность твоя—
Не субстанция света, не пламя огня.

Почему же тогда ты кичишься своей
Комбинацией мяса и хрупких костей?

На тренажерке шатком, любуясь собой,
Почему ты вознёсся над этой толпой?

● ● ●
В час, когда над горами забрезжит рассвет,
Беспросветный и всё ещё робкий,
Я альпийских цветов ароматный букет
Наберу у подножия сопки.

Отряхну от росы и поставлю в стакан
Родниковой воды из ущелья
Эдельвейсы, ромашки и дикий тюльпан
Моего приворотного зелья.

Так красиво и чудно горят лепестки
В полумраке, и жаль, что отсюда
Мне не хватит и самой длиннющей руки,
Чтоб тебе протянуть это чудо.

И сказать, не стесняясь нахлынувших слов,
После долгого мрака ненастья:
Не венком, а короной альпийских цветов
Я тебя короную на счастье

В час, когда, покидая седые зубцы
Звёздных башен над куполом мира,
Отпустив тетиву, исчезают Стрельцы
И тускнеет печальная Лира.

Знаю я, что сейчас ты не слышишь меня
И не видишь букета в стакане...
Вон Возничий рванул, и скатился с коня,
И пропал, захлебнувшись в тумане.

Всё равно это чудо—рождение дня,
Когда солнце над сопками встанет.
Знай: беда никогда не коснётся меня
И корона твоя не завянет.

● ● ●
На стареньком снимке—четыре юнца,
Четыре давно пожелтевших лица,
Но домик саманный белеет,
И с верхнего края алеет

Полднего солнца размытый кружок,
И деревце с ветками наискосок,
Как лишнее, ёжится сбоку,
По Фету и даже по Блоку.

А мы, как солдаты—подмога живым
И мёртвым, на корточках важно сидим
И смотрим в глазок объектива,
Как в вечность, кто прямо, кто криво.

И кажется, что ничего не болит,
Что счастье—да вот оно, рядом сидит,
И смотрит большими глазами,
И что-то читает губами

По памяти, тихо, строку за строкой,
А солнечный зайчик, весёлый такой
Чертёнок, не знает покоя,
Как будто он знает такое,

Такое, чего здесь не знает никто—
Ни старый фотограф в потёртом пальто,
Ни эти чегыре балбеса
Из сказки чеченского леса.

Не знают, стреляя глазами в упор,
Что Марс покраснел и завис, как топор,
Что Аннушка масло купила
И смерть никого не забыла.

● ● ●
Заливай стихами или прозой—
Всё равно скучна моя анкета.
Дед мой умер от туберкулёза
В сорок пятом около Чимкента.

Может, в мае, может быть, в июле,
Молодой, почти ещё салага,
От простуды чёрной, не от пули
Где-нибудь у здания Рейхстага.

Не полковник, не отец солдатам,
Голый ноль без палочек и баллов.
Не ходить мне с праздничным плакатом
Около твоих мемориалов.

Что сказать мне сгинувшему деду
Вдалеке от дома и отчизны?
Может быть, спасибо за победу?
Ну, хотя бы за победу жизни.

● ● ●
Я слишком слаб, чтоб что-то изменить,
И слишком стар, чтоб начинать сначала.
Но я ещё попробую доплыть
Вон до того последнего причала

Не торопясь—соленая вода
Не любит тех, кто судорожно дышит.
А я устал, такая вот беда,
Пойду на дно... никто и не услышит.

Но я гребу и силы берегу,
Глотаю соль иссохшими губами
И вижу: кто-то там, на берегу,
Зажёг фонарь и машет мне руками.

● ● ●
Знобило. У вашей калитки
Мне стало немного теплей.
А мимо, как будто улитки,
Шли толпы усталых людей.

У памяти все дорогие,
От близких друзей до врагов,
А мы, молодые такие,
Стояли на стыке веков.

Октябрь седой позолотой
Не радовал больше земли,
И два голубых самолёта
Кружили над нами вдали.

У юности страшная сила,
Её не сломаешь судьбой.
Меня не эпоха страшила—
Страшила разлука с тобой.

Хотя и беспомощна лира,
И красок таких не найдёт,
Кто видел крушение мира,
Тот вспомнит и сразу поймёт.

Предчувствия хуже занозы
Терзают сердечной тоской.
Из глаз твоих брызнули слёзы,
Когда ты махнула рукой

И скрылась за ширмой калитки,
Как будто уже навсегда.
И не было горестней пытки,
Чем эта тупая беда.

Знобило. Крылатый лазутчик
Угрюмо гудел над страной.
Шли тучи, косматые тучи,
Смеркалось, и пахло войной.

● ● ●
Найду тебя, как камень на погосте,
Там, где трава соперничает в росте
С деревьями, чьи чёрные макушки
Подстрижены из дальнобойной пушки,

В таком-то неприветливом году...
В землянке обвалившейся найду,
За бруствером, в кустах чертополоха,
Где корчилась от ярости эпоха

И, пьяная от мутного вина,
Смывала кровью наши имена
С доски судьбы без всякого почёта.
Найду тебя у волчьего болота,

Где мокрые сплетения тропинок
Ещё хранят следы твоих ботинок,
Не стёртые ни ветром, ни дождём.
Найду тебя за огненным хребтом,
В долине гроз, где крепость нашей славы
Ещё рычит в тройном кольце облавы,

И всё ещё, весёлый и густой,
Как дева юная под всхлип аккордеона,
Танцует снег на площади пустой,
И век прощается, гремя бронёй дракона.

● ● ●
Я, как крот, допив тоску столетия,
Вгрызся в землю в шаге от другого,
Мутного, как сон, тысячелетия
Рождества Иисуса Христового.

Словно вся наличность гороскопа:
Рыбы, Львы, Стрельцы и Скорпионы,—
Над моим кубическим окопом
Проносились смерчи и циклоны.

Как за счастье трудового класса,
Друг за другом в сумерках бессонных
Шли лавины пушечного мяса,
Мальчиков кровавых батальоны.

И как будто колесница Дария,
Растекаясь красными серпами,
Нёсся вихрь, кося пассионариев,
Че Гевар с молочными клыками.

Вот тогда сквозь смертную икоту,
Взяв на грудь всю тяжесть долголетия,
Обманув танкистов и пехоту,
Разменял и я тысячелетие.

● ● ●
Я на дорогу выйду, погрущу
И, как итог моих дневных скитаний,
Сухую булку птицам покрошу,
Чтоб не скудел багаж благих деяний.

И пусть себя уже не изменить
В безумной гонке атомного века,
Но что мне стоит птицу накормить
Или утешить словом человека?

Сказать ему: живи и здравствуй, брат,
Пока в свой час не породнишься с глиной;
Среди тревог, печалей и утрат
Ты не оставлен звёздным властелином.

Он был и есть — и будет Он всегда,
И в этом вся конечная отрада.
Арык бежит, журчащая вода
Смывает основание ограды.

И высоко, рукою не достать,
Последний листик кружит над дорогой.
И воробьи, слетевшись на асфальт,
Клюют, даваясь от щедрости убогой.

Торопятся, с оглядкою на сук,
Озябшие от холода и страха.
Благословенно крошево из рук,
Когда оно из житницы Аллаха!

Иду домой. От ветхого плетня
Ложится тень на зеркало канала.
Блажен распределивший доли дня,
Когда не блажь, а сердце указало.

● ● ●
Ходит пёс по брустверу окопа.
Кто пальнёт в такого остолопа?
У кого поднимется рука?
Тишина. Ни звука, ни щелчка,
Никакого грохота и топа.

Ходит пёсик, высунув язык,
Он уже безжалостно привык
К диалекту оружейной речи.
Воздух пахнет резче, чем балык,
Слаще кости, даже человечесьей.

Дует в морду тёплый ветерок.
Ходит пёс, почти ещё щенок,
Маленький и всё ещё неловкий.
То ли шарик, то ли колобок
В окуляре снайперской винтовки.